**Веред Юлия Тарасовна**, студентка, факультет международной журналистики, МГИМО, Москва, Россия; e-mail: juliavered@gmail.com

# ЖУРНАЛИСТЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕЯТЕЛИ КАК УЧАСТНИКИ И ПОСРЕДНИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА ЭМИГРАНТСКОЙ РОССИИ И ФРАНЦИИ В 1920-Х ГГ.

*В статье рассматривается взаимодействие французской элиты и представителей русской эмиграции, в частности литературных деятелей, в сфере журналистики и публицистики. Научная новизна данного исследования заключается в привлечении не изученного до этого иноязычного материала. Впервые предпринята попытка анализа франкоязычных статей русских публицистов, появившихся во французских и франкоязычных периодических изданиях. Цель исследования – выявить, насколько активно развивалось сотрудничество русских эмигрантов с обществом принимающей страны и привело ли оно к усилению позиций русской диаспоры в глазах французов, а также к укоренению антисоветских настроений во Франции. Французская сторона была заинтересована в культурных контактах с эмигрантами, которые также искали способы взаимодействия с французской публикой. Однако активное русско-французское сотрудничество в рамках общественных организаций и органов печати не смогло предотвратить изменения внутриполитического климата в принимающей стране, результатом которого стало завершение дипломатической изоляции СССР со стороны Франции. Это привело к снижению интереса французского общества к русским эмигрантам, которые так и не смогли полностью интегрироваться в общество страны-реципиента.*

***Ключевые слова:*** *русская эмиграция, эмигранты первой волны, русская эмигрантская литература, русская эмигрантская печать, французская печать.*

**Julia T. Vered**, student at the Faculty of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia; e-mail: juliavered@gmail.com

# JOURNALISTS AND LITERARY FIGURES AS PARTICIPANTS AND MEDIATORS IN THE INTERCULTURAL DIALOGUE BETWEEN EMIGRANT RUSSIA AND FRANCE IN THE 1920-ies

*The article considers the cooperation by French elite and white émigrés, i. e., literary figures, in the field of journalism and publicism are scrutinized. The relevance of this research relies on the analysis of the materials that have never been examined before – the articles of Russian émigrés published in the French press as well as in the francophone émigré press. The aim of the research is to reveal to what extent the Russian-French collaboration was compelling and whether it has resulted in the consolidation of the émigrés' image in the eyes of the French as well as in the fanning anti-Soviet flames in*

*France. As a result of the research conducted we found that the French were enthusiastic about Russian-French contacts, and the émigrés strived for the cooperation with French society. Russian émigrés in France were far from being ignored. Nevertheless, flamboyant Russian-French cooperation within public organisations and the press could not prevent the alterations of the interior political landscape in France that brought diplomatic isolation of the USSR by France to a halt. Thus, that led to the diminished interest in the émigrés, who proved themselves as not being able to integrate into French society.*

***Key words:*** *Russian emigration, white émigrés, Russian émigré literature, Russian émigré press, French press.*

*DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.126143*

## Введение

В начале XX в. Октябрьская революция и Гражданская война стали потрясением для России. Они не только разделили страну на два противоборствующих лагеря, но и привели к образованию *второй* России – России за рубежом. События первых десятилетий века вызвали мощную волну эмиграции: за рубеж уехало более двух миллионов человек. Некоторые страны становились центрами русской эмиграции, где сохранялась и развивалась русская национальная культура.

Разрозненная в географическом плане, русская эмиграция поддерживала духовное единство благодаря Слову. Русский язык стал связующим элементом для всех, кому пришлось покинуть Россию. Ряд авторов полагает, что пребывавшие за границей, или, по выражению М. А. Раева, «в изгнании», русские эмигранты надеялись вернуться на родину, а стало быть, не стремились ассимилироваться с европейским обществом. Этим объясняется прохладное отношение последнего к нуждам эмигрантов (Лизунова, Лбова, 2013: 88).

В данной работе мы рассмотрим положение русских эмигрантов именно во Франции, не затрагивая других центров русской эмиграции первой волны. Следует отметить, что, несмотря на меняющееся под действием внешних факторов отношение французов к русской интеллигенции, русские эмигранты пытались хотя бы частично преодолеть свою обособленность и сформировать более или менее положительное отношение к себе страны-реципиента.

Цель этого исследования – изучить шаги, предпринятые представителями русской эмиграции для установления диалога между русскими писателями-эмигрантами и французской элитой, диалога, направленного на взаимное обогащение французской и рус-

ской – вынужденной развиваться за пределами родной страны – культуры.

Для достижения поставленной цели в настоящем исследовании были сформулированы следующие аспекты исследования:

- каким образом формировалась и укреплялась духовная доминанта русского зарубежья: национальное самосознание, отвержение большевизма;
- как эмигранты *транслировали* свои идеи во французскую среду (выпуск собственных периодических изданий, сотрудничество во французской печати);
- каких результатов достигло сотрудничество в рамках русско-французских организаций.

Актуальность проблемы обусловлена недостаточной изученностью интеллектуального и творческого вклада русского зарубежья в русскую и французскую культуру, а также жизни русской диаспоры за границей в период между двумя мировыми войнами. Если духовный вклад французской культуры в русскую не вызывает у исследователей сомнения, то обратное влияние остается сферой непознанного. Новизна представленной работы состоит в обращении к малоизученному вопросу – идейному влиянию русской диаспоры на французское общество; в привлечении нового иноязычного материала; в рассмотрении проблемы межкультурного контакта, являющейся острой и на сегодняшний день.

Современные исследователи, например Грета Слобин, Леонид Ливак (2007) и Андрей Устинов (2014), продолжают заниматься проблемой русской литературы и публицистики начала XX в. в ключе русско-французских межкультурных отношений. Также тема культурных контактов русской эмиграции и французской общественности в 1920-х гг. освещается в работах Т. В. Марченко (2008), рассматривавшей, помимо прочего, взгляд европейской критики на русскую эмигрантскую прозу, А. В. Бакунцева (2011), внесшего значительный вклад в изучение культурной жизни эмиграции, в частности через призму деятельности И. А. Бунина, и в работах Д. Д. Николаева (2015), изучавшего и творчество отдельных представителей русской эмиграции, и общие духовные ценности русской диаспоры.

В основе эмпирической базы исследования лежат публикации во французской прессе в рассматриваемый исторический период, доступные в электронном виде на портале Национальной библиотеки Франции[1], документы Комитета помощи русским писателям

и ученым во Франции, доступные на электронном портале архивов Библиотеки международной современной документации (Париж)[2], а также архивы Государственной публичной библиотеки России (русскоязычные периодические издания 1910–1920 гг.) и письма современников.

### Укрепление антибольшевистских идей внутри русской диаспоры и их трансляция через эмигрантскую печать в зарубежную среду

После событий 1917 г. русские эмигранты покинули родину и оказались в разных странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Магриба и даже в Австралии. Поток эмигрантов не прекращался в течение как минимум пяти лет, причем пик его пришелся на рубеж двух десятилетий, то есть на 1919–1920 гг. К наиболее крупным русским диаспорам можно отнести диаспоры Германии, Франции, Прибалтики. Также значительным центром русского рассеяния были Балканы. Начиная примерно с 1924 г. Париж стал считаться столицей русского зарубежья, приняв немалую часть интеллектуальной (в частности, литературной) элиты русского общества.

Журналист Морис Де Валеф так выразил отношение к русской интеллигенции во Франции: «Практически все российские умы останутся на некоторое время во Франции. Давайте же признаем этот факт и оценим его по достоинству!»[3].

Безусловно, русские эмигранты жили во Франции, в частности в Париже, и до 1917 г., но именно второе десятилетие XX в. стало временем, когда первая волна русских эмигрантов превратила количество в качество — сформировалась особая культурная среда русского зарубежья, с ее интеллектуальной и литературной жизнью.

В первой половине 1920-х гг. русской диаспоре были свойственны настроения объединения против общего врага – большевизма. В это время появились общеэмигрантская газета «Современные записки», стремившееся стать общеэмигрантским «Общее дело», «Последние новости», которые с 1921 г. были органом левого крыла Партии народной свободы и, соответственно, Республиканско-демократического объединения, монархистская газета «Возрождение» и т. д.

Единство русской эмиграции в культурных кругах проявлялось в откликах на памятные *литературные* даты. Первой из таких дат явилось десятилетие со дня смерти Л. Н. Толстого. Основным

приемом в статьях и выступлениях было противопоставление «России за рубежом и России большевиков, России дореволюционной и пореволюционной, России монархической и России демократической, России и Европы и т. д.» (Николаев, 2015: 19).

Элита русской диаспоры осознавала, что для упрочения своих идей необходимо заручиться поддержкой иностранных (то есть французских) коллег. Так, обеспечением российской патриотической пропаганды занимались зарубежные отделения Российского бюро печати, наиболее крупным из которых являлось парижское – телеграфное агентство В. Л. Бурцева «Унион» *(Union)*. Агентство получало сообщения из Сибири, США, Германии, Чехословакии и направляло туда собственные телеграммы. Собранная информация передавалась в крупное французское агентство «Гавас» *(Havas)*, которое распространяло ее в своих бюллетенях. Через «Гавас» информация доходила до влиятельных французских общественных, политических и культурных кругов. В ежедневной газете «Матэн» *(Le Matin)* за 28 января 1919 г. находим информационное сообщение, полученное из агентства «Гавас», которое, в свою очередь, ссылается на «Унион», – *Les socialistes d'Omsk soutiennent Koltchak*[4] («Омские социалисты поддерживают Колчака»). В другом номере газеты за 1919 г. помещена телеграмма «Униона» *Le dernier communiqué de Judenitch*[5] («Последнее коммюнике Юденича»).

Газета В. Л. Бурцева «Общее дело», с ее французской версией «Коз Коммюн» *(La Cause Commune)*, стала уникальным явлением благодаря наличию у нее прямого доступа к французской публике. «Общее дело» было главным периодическим изданием эмиграции до появления «Последних новостей» (точнее, до назначения П. Н. Милюкова редактором в феврале 1921 г.). Но, в отличие от милюковской газеты, издание В. Л. Бурцева не только способствовало объединению русского зарубежья, но и – благодаря своей французской версии – формировало у французского читателя положительное отношение к русским эмигрантам. В газете публиковались И. А. Бунин, А. И. Куприн, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Г. А. Алексинский. Наиболее важные с точки зрения редакции сообщения агентства «Унион» помещались в каждом номере еженедельника. Во франкоязычной «Коз Коммюн» 27 сентября 1919 г. размещена статья Г. А. Алексинского *L'Apologie de Korniloff* («Апология Корнилова»), а также информационные сообщения (одно – из телеграфного агентства «Руссагент», остальные – из «Униона»).

Будучи внепартийным печатным органом, газета тем не менее занимала резко антибольшевистские позиции, что было в немалой степени обусловлено личностью самого В. Л. Бурцева, который беспрестанно – не только на страницах издаваемой им газеты[6], но и в личных письмах – яростно критиковал «Совдепию»[7] (как он предпочитал отзываться о Советской России) и призывал объединиться в борьбе против большевиков[8].

Одной из знаковых публикаций, получивших широкую огласку, стало обращение Л. Н. Андреева «Спасите!». Нам доступны две русскоязычные версии этого текста: одна из них является переводом и сопровождается комментарием В. Л. Бурцева: «Русский текст статьи Л. Н. Андреева был давно нам послан, но мы его почему-то не получили <...> Я не считал себя вправе дольше ждать оригинала русского текста и дал в «Общем Деле» перевод статьи Л. Н. Андреева с английского на французский язык <...> Такие исторические документы, как «S. O. S.» Андреева, требуют того, чтоб их опубликовывали вовремя, немедленно, как только они попадают в руки тех, у кого есть печатный станок»[9]. Другая же версия, позже также опубликованная в «Общем деле», является подлинным текстом[10]. Редакцией «Общего дела» было издано несколько десятков тысяч брошюр обращения Л. Н. Андреева как на французском, так и на русском языках.

Таким образом, «Унион» и «Общее дело» вели антибольшевистскую пропаганду не только в политических элитах, но среди широких слоев населения, являясь каналами трансляции эмигрантской мысли в зарубежную среду.

### Русские авторы во французских издательствах и французской прессе

Несмотря на несколько изолированное положение русской диаспоры, многие представители русской интеллигенции, прибыв во Францию, обнаружили весьма доброжелательное отношение к себе французов. Дело в том, что Первая мировая война нанесла удар по Франции, а в особенности по ее духовой жизни, и теперь французская культура искала пути взаимодействия с иными, новыми культурами. Эти поиски отмечены распространением переводных произведений, в том числе русских авторов-эмигрантов. Жан Генно писал в «Гранд Ревю» *(La Grande Revue)*: «Думается, что война также усилила интенсивность духовного обмена <...> Рус-

ских, действительно, переводят больше всего»[11]. О популярности произведений русских авторов-эмигрантов свидетельствует и тот факт, что издательский дом Боссара выпустил под руководством переводчика Хенри Монгаулта «Собрание произведений русской литературы» (*Collection des textes integraux de la littérature russe*), в которое вошли произведения И. А. Бунина, К. Д. Бальмонта, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, А. И. Куприна и других авторов. В 1921 г. издательство Боссара опубликовало сборник рассказов И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» и разместило в различных газетах (например, в «Меркюр де Франс»[12] и «Фигаро»[13]) объявления о публикации серии *Les chefs d'oeuvre inédits du roman modern russe*, в которую входило вышеназванное собрание произведений И. А. Бунина. Такая рекламная акция отчасти способствовала тому, что сборник пресса приняла с энтузиазмом.

Помимо того, что Боссар предоставлял авторам возможность публикации, организовывал рекламные кампании, помогающие публике узнать о современных русских писателях, последние получали и достойный гонорар.

З. Н. Гиппиус писала И. А. Бунину 17 июля 1921 г. из Висбадена, говоря о преимуществах пребывания в этом немецком городе по сравнению с Югославией, «где надо было у кого-то «гостить»: «Так вот, в смысле независимости и полной свободы (+ дешевизна), если они вам нужны на недели отдыха – здесь хорошо <...> Взяли бы у Боссара 3 тысячи (да и куда столько?), взяли бы два чемоданчика и в первый прохладный день рискнули бы»[14].

Очевидно, З. Н. Гиппиус под названной суммой имеет в виду не гонорар, а аванс. Приведенные данные позволяют составить примерное представление о материальных возможностях писателей, работавших в издательстве Боссара. Воспользовавшись конвертером[15] на сайте Национального института статистики и экономических исследований Франции, мы можем примерно оценить сумму, о которой говорит З. Н. Гиппиус, переведя ее в евро. Так, с учетом инфляции, покупательная способность 3 000 франков в 1921 г. равна 3367.71 евро в 2018 г. С учетом относительной дешевизны жизни в Германии в начале 1920-х гг., эта сумма справедливо оценена З. Н. Гиппиус как избыточная для пребывания в Висбадене.

Присутствие во Франции русской диаспоры нашло отражение и во французской современной литературе: персонажи – эмигранты из России – часто встречаются во французских произведениях рассматриваемого периода. Примером такого произведения может

послужить роман Этьена Бюрне «Вдали от икон. Роман о русской эмиграции» (1923). К этому следует добавить, что для французских граждан, инвестировавших в займы российскому правительству, свергнутому большевиками, и ждущих падения большевистского режима, дабы вернуть свои вложения, единственным авторитетным источником информации о стране, будущее которой в первой половине 1920-х гг. было неясно, были эмигранты. Поэтому нет ничего удивительного в том, что начиная с 1920 и вплоть до осени 1924 г. русские эмигранты пользовались таким расположением издательств. Следует добавить, что русские авторы-эмигранты печатались не только у Боссара, но и в таких французских издательских домах, как Алькан (*Alcan*), Кальманн-Леви (Calmann-Lévy), Арман Колен (*Armand Colin*) и Сток (*Stock*) (Livak, 2007: 26).

Что же касается периодических изданий, то журналом, который наиболее активно сотрудничал с писателями-эмигрантами, был «Меркюр де Франс», напечатавший в период с 1920 по 1925 г. большое количество эссе, рассказов, отрывков из романов, мемуаров, архивных документов и рецензий А. И. Куприна, К. Д. Бальмонта, Л. И. Шестова, С. В. Познера, И. С. Шмелева, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, В. А. Маклакова, Г. А. Алексинского, Н. А. Теффи, С. С. Юшкевича, Б. В. Савинкова. В качестве примера возьмем «Меркюр де Франс» за 1 ноября 1922 г., где находим статью С. В. Познера *L'Ecole unique en Russie soviétique*[16], а также статью Г. А. Алексинского[17] в разделе сводок новостей про различные страны, в котором его тексты регулярно публиковались. Например, в 1922 г. статьи Г. А. Алексинского появлялись на страницах журнала не менее 15 раз (судя по сохранившимся выпускам). В том же году 15 июля вышла статья автора-эмигранта А. М. Горовцева *Les Raisons de la Stabilité du Pouvoir des Soviets*[18] («Причины устойчивости советской власти»), а 15 ноября – статья В. А. Маклакова *La Crise du Bolchévisme*[19] («Кризис большевизма»). «Меркюр де Франс» был правоцентристским, критиковавшим советский режим журналом, что и определило его благожелательное отношение к русским авторам-эмигрантам.

Центрами сотрудничества с русскими писателями стали также «Комедиа» *(Comoedia)*, «Эклер» *(L'Eclair)*, «Фигаро» *(Le Figaro)*, «Энтрансижан» *(L' intransigeant)* и «Попюлер» *(Le Populaire)*. С энтузиазмом принимали эмигрантов и в «Нувель литерер» *(Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques)*. В двух следующих друг за другом выпусках за 8 и 15 ноября 1924 г. был помещен весьма любопытный

опрос, посвященный французскому литературному влиянию за рубежом. Наиболее видные писатели из разных стран в форме короткого эссе отвечали на поставленные редакцией вопросы. Германию представлял Герман фон Кайзерлинг, со стороны Великобритании в опросе принял участие Бернард Шоу, французское влияние на русскую литературную традицию оценивал И. А. Бунин. В своем ответе русский писатель отметил вклад французов в развитие русской поэзии, а также негативно отозвался о современной советской литературе, «которую невозможно воспринимать всерьез»[20].

В другом литературном журнале – «Ревю де Пари» *(La Revue de Paris)* – в нескольких частях[21] напечатали рассказ А. И. Куприна «Олеся» в переводе Марка Семенова. Русские авторы публиковались также в «Ревю де Франс» *(La Revue de France)*, «Ревю де Де Монд» *(La Revue des Deux Mondes)*, «Ви де Пепль» *(La Vie des Peuples)* и «Ревю де Женев» *(La Revue de Genève)*.

Логичным было бы предположение, что политические взгляды издания предопределяют выбор авторов. Однако в первой половине 1920-х гг. среди парижских изданий только «Попюлер», будучи печатным органом социалистов, работал исключительно с социал-демократическими авторами. Для других же политические взгляды не являлись камнем преткновения в совместной работе, поскольку эмигранты из России были важны как источник информации о стране, судьба которой интересовала французского читателя. «Нувель Ревю франсез» *(La Nouvelle Revue française)*, литературный журнал левоцентристского толка, пользовавшийся большой популярностью в межвоенный период, работал с теми же авторами (Л. И. Шестов, Г. Д. Гребенщиков), что и правые издания. А на страницах коммунистической газеты «Юманите» *(L'Humanité)* был опубликован перевод[22] рассказа А. Т. Аверченко «Под лучом здравого смысла» – *Le véritable bon sens*, также выполненный Морисом Донзелем. На русском этот рассказ впервые появился в 1914 г. в сборнике[23] «Дешевая юмористическая библиотека Нового Сатирикона». Что примечательно, Морис Донзель, являясь приверженцем левых идей, постоянно сотрудничал в коммунистической «Юманите», но при этом был одним из главных популяризаторов творчества Бунина, филигранно выполняя переводы произведений великого русского писателя. Таким образом, Морис Донзель задал французским читателям вектор восприятия творчества И. А. Бунина. Что же касается политической позиции самого писателя, то, как отмечает А. В. Бакунцев, его приверженность *белой идее* «не имела никакой

«партийной окраски»: она являла собой скорее некий нравственный принцип» (Бакунцев, 2011: 29).

В 1925 г., когда французское правительство Эдуарда Эррио признало *de jure* правительство СССР, издательства встали перед выбором – публиковать советских авторов или авторов-эмигрантов, поскольку теперь для внезапно полевевшей французской публики статьи, очерки, рассказы и романы эмигрантов, повествовавшие о старой и новой России, были не так интересны и воспринимались как тенденциозные.

### Русско-французское сотрудничество в рамках Комитета помощи русским ученым и писателям во Франции

Каков бы ни был интерес французского читателя к русским авторам, его невозможно объяснить лишь «особой духовной обстановкой» во Франции после Первой мировой войны и поисками культурных связей. Здесь необходимо подчеркнуть усилия самих представителей русской диаспоры, направленные на сближение с французскими коллегами.

Русская интеллигенция многим обязана Софье Григорьевне Балаховской-Пети (1870–1966) – общественной деятельнице и переводчице, супруге Эжена Пети, занимавшего должность генерального секретаря президента А. Мильерана. Именно к Софье Григорьевне обращались деятели русской культуры, дабы она походайствовала перед своим супругом, чтобы облегчить соотечественникам процесс переезда во Францию и обустройства в новой стране. Поэтому можно утверждать, что семья Пети способствовала превращению Парижа в политический и культурный центр русской эмиграции.

Финансовую поддержку представителям русской интеллигенции оказывали и различные организации, одной из которых был Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции, основанный в 1920 г. и вплоть до 1925 г. находившийся под руководством Н. В. Чайковского. История Комитета начинается с открытия небольшой Комиссии: в 1919 г. она получает от Фонда помощи нуждающимся российским литераторам и ученым в Нью-Йорке тысячу долларов для беспроцентных ссуд ученым, литераторам и деятелям искусства. Еще в 1919 г. К. М. Оберучев, в прошлом посол России в США, будучи главой Фонда в Америке, писал: «Дело помощи нуждающимся литераторам и ученым — дело живое и ему

нужно отдать максимум энергии: ведь речь идет о спасении русской культуры, которая составляет часть культуры мировой и часть красивую и заметную» (Кельнер, Познер, 1994: 270). В 1920 г., ввиду резко увеличившегося числа русских эмигрантов в Париже, Комиссию преобразовали в Парижский комитет помощи русским писателям и ученым.

Сохранились письменные прошения о материальной помощи от различных деятелей науки и искусства: И. А. Бунина, М. А. Алданова, Л. И. Шестова, Д. С. Мережковского, М. И. Цветаевой, В. Ф. Ходасевича, И. С. Шмелева. Например, 6 января 1931 г. в Комитет пишет из Медона М. И. Цветаева: «Покорнейше прошу Комитет оказать мне посильную помощь. Муж болен (туберкулез), дочь учится и нужно платить за школу, литературного заработка никакого, — положение ужасное»[24].

Помимо финансовой помощи, Комитет концентрировал свои усилия на том, чтобы положительно настроить французское высшее общество по отношению к русским. Это делалось не только для пополнения материального фонда, но и для облегчения сотрудничества русских писателей с французскими издательствами и печатными органами. Комитет привлекал в свой состав представителей французской элиты, неравнодушных к русской культуре. Так, в 1922 г. французские члены Комитета сформировали так называемую Французскую секцию, председателем которой стал Эдуар Эррио, лидер партии радикалов и мэр Лиона. Деятельность Секции распределялась по трем сферам: содействие профессиональным ассоциациям, организация публичных выступлений в помощь эмигрантам, установление сотрудничества между авторами-эмигрантами и французской прессой. Наиболее значимыми профессиональными организациями, работавшими с Комитетом, были Общество писателей *(Société des Gens de lettres)* под началом Эдмона Арокура и Французский союз *l'Union fran aise (Association nationale pour l'expansion morale et matérielle de la France)* под руководством Анри Бергсона, Поля Готье и Эрнеста Лависса.

Из архивов[25] Комитета мы узнаем, сколь велика была роль Секции в организации совместной работы эмигрантов и французской прессы. Члены Французской секции распределялись согласно изданию, которое они представляли. Альбер Каюэ отвечал за «Иллюстрасьон» *(L'Illustration)*, Мони Сабэн – за «Аксьон насьональ» *(L'Action nationale)*, Дузе и Рипо – за «Радикаль» *(Le Radical)*. Все они стали активно сотрудничать с русскими авторами начиная с 1921 г.

Также в записях Комитета среди членов Секции значатся литературные критики Рауль Лабри и Альбер Мийо, которые должны были составлять рецензии на произведения русских авторов-эмигрантов. Включение их в состав Французской секции являлось и стратегическим шагом, поскольку от критиков зависело, будет ли представлен тот или иной русский автор-эмигрант французским читателям и будут ли фигурировать его произведения на литературном рынке.

С целью поддержки русских писателей Комитет организовывал балы, встречи, памятные вечера в честь значимых событий русской интеллектуальной и литературной жизни. Управление Комитета также отдавало себе отчет в том, что, при всем уважении к щедрости и великодушию французских коллег, ни материальная поддержка частных или публичных фондов, ни организация культурных мероприятий не могут обеспечить более или менее стабильного дохода. Тогда Комитет решился на беспрецедентный в истории межкультурных русско-французских отношений шаг – открыть издательство, которое обслуживало бы интересы и французских, и русских читателей и писателей. Однако проекту не суждено было осуществиться.

В конце 1922 г. идею создания общего издательского дома перенял Борис Шлецер, состоявший в Комитете. У писателя было достаточно связей в литературных кругах обеих стран для реализации подобного предприятия. В 1923–1925 гг. выходили переводы произведений русских классиков: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, А. П. Чехова. Вдохновленный коммерческим успехом этих изданий, Шлецер в 1926-1927 гг. публикует три книги Л. И. Шестова и одну П. П. Муратова, но продажи оказались меньше ожидаемых. И все же главный проект, а именно выпуск переведенных произведений русских авторов-эмигрантов, не был реализован. Дело в том, что к этому времени – в связи с признанием Францией СССР – изменилась идеологическая обстановка в стране.

Это сделало возможными в 1925 г. проекты, казавшиеся нереализуемыми еще в 1921–1923 гг. Теперь, когда будущее советского государства не представлялось французским читателям туманным, произошел резкий спад интереса к русской тематике. Более того, место русских авторов-эмигрантов во французской прессе и издательствах, склонявшихся к левым, заняли советские авторы или большевистские *изгнанники*, провозглашающие себя носителями *голоса истинной России*.

Жозеф Кессель выразил изменения в отношении французской интеллигенции к авторам-эмигрантам следующим образом: «Мы видим отголоски новой жизни в новой литературе в виде абсолютного непонимания, разделяющего авторов, оставшихся в России, и тех, кто ее покинул. Большинство последних находятся во Франции. Их имена хорошо известны. Назовем лишь ключевые фигуры: Бальмонт, Куприн, Мережковский, Шмелев и неподражаемый Иван Бунин, который, можно сказать с уверенностью, является одним из величайших ныне живущих писателей. Я не буду говорить об этих авторах, прежде всего, потому, что они более или менее известны французской публике, и особенно по той причине, что они практически ничего не создали с тех пор, как находятся в эмиграции. Что касается их творений, то они связаны с прекрасной и великой традицией, но они больше не отвечают ритму, в котором живут молодые русские писатели»[26].

Деятельность Французской секции Комитета помощи русским писателям и ученым, активно функционировавшей еще в 1924 г. (например, она организовала пушкинский вечер в Сорбонне 12 июня и благотворительный концерт в театре де Л'Этуаль 23 июня), заметно сократилась в 1925 г.

Новая обстановка привела к уменьшению участия эмигрантов в литературной и интеллектуальной жизни Франции. Прямые русско-французские контакты возобновятся лишь в 1929 г., с появлением молодого поколения русских авторов, или *младоэмигрантов*, чье жизненное и творческое становление проходило в зарубежной среде, что сделало их более адаптированными к французской жизни. Именно по инициативе молодого поколения писателей и их французских коллег-ровесников будет создана Франко-русская студия, по сути представляющая собой дискуссионный клуб, задача которого – построить диалог между русской культурной элитой в эмиграции и французскими интеллектуальными кругами.

**Заключение**

Духовная доминанта русского зарубежья – непринятие идей большевизма и методов их воплощения – формировалась и распространялась благодаря публицистическим выступлениям отдельных представителей русской диаспоры, в которых они обозначали свою общественно-политическую позицию; деятельности эмигрантских изданий, многие из которых отчетливо проводили антибольшевист-

скую линию; работе с французскими коллегами и французской аудиторией, благодаря публикациям на французском языке.

Русская диаспора, обосновавшаяся в разных государствах, не могла полностью интегрироваться в общество принимающей страны ввиду естественных причин: языковой барьер, отличные от принятых в стране политические взгляды, общественная позиция и т. д. Рассмотренные в работе примеры свидетельствуют о том, что предпринятые русскими эмигрантами попытки сближения с французской культурной элитой помогли на отдельных этапах наладить русско-французский диалог, что тем не менее не отменяло обособленного положения русской диаспоры.

В начале 1920-х гг. французская общественность действительно была заинтересована в культурных контактах с эмигрантами, но, как отмечает Т. В. Марченко, «особенностью «диалога» России и Запада является общее убеждение сторон в невозможности полного взаимного понимания, в такой исконной чуждости национальных характеров» (Марченко, 2008: 11).

Нами были освещены лишь отдельные эпизоды отношений между русскими эмигрантами и французами в межвоенный период, который имеет предельную важность для русской культуры в общеевропейском контексте. Вопрос русско-французского сотрудничества, закономерно отражаясь в историографии, заставляет по-новому посмотреть на вклад русской диаспоры в культурную жизнь Франции.

В процессе исследования выявилась необходимость более детального изучения франкоязычной публицистики русских писателей. Выступления русских авторов на страницах франкоязычной периодики представляют интерес не только в контексте французского газетно-журнального дискурса, но и для изучения творческого и жизненного пути отдельных авторов, взаимосвязи тем, затрагиваемых в публицистике и литературно-художественных произведениях.

Очевидно, что данная проблема требует изучения архивов франкоязычных периодических изданий с целью описания, обобщения и научной систематизации материала, без которого невозможна объективная оценка наследия русской эмиграции.

**Примечания**

[1] Maurice de Waleffe] (1922) Russophilie [Русофилия]. *Paris-midi*, 9 mars: 2. (In French)

[2] Les socialistes d'Omsk soutiennent Koltchak [Омские социалисты поддерживают Колчака] (1919) *Le Matin*, 28 janvier: 3. (In French

[3] Le dernier communiqué de Judenitch [Последнее коммюнике Юденича] (1919) *Le Matin*, 22 octobre 1919: 3. (In French)

[4] *Бурцев Вл.* Борьба с большевиками продолжается // Общее дело. 1920. № 66. С. 1.

[5] *Бурцев Вл.* Из жизни в Совдепии // Общее дело. 1921. № 295. С. 3.

[6] См. письмо Бурцева Деникину (Париж, 25 февраля 1938 г.). Режим доступа: http://hrono.ru/libris/lib_b/burcev_pisma.html (дата обращения: 06.02.19).

[7] *Андреев Л.* Спасите! (S.O.S.). Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_1919_spasite_oldorfo.shtml (дата обращения: 06.02.19).

[8] *Андреев Л.* Спасите! (S.O.S!..). // Общее дело. 1919. № 58. С. 1.

[9] JJean Guéhenno. (1924) Le goût des livres étrangers [Вкус иностранных книг]. *La Grande Revue,* 1 janvier: 511. (In French)

[10] *Le Mercure de France* (1921) 1 novembre: 892. (In French)

[11] *Le Figaro* (1921) 15 novembre: 5. (In French)

[12] Pachmuss Temira. Из архива Мережковских. // *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 22, No. 4, Octobre-Décembre 1981. Pp. 417–470. (In French)

[13] Конвертер франк-евро. Национальный институт статистики и экономических исследований Франции. Режим доступа: https://www.insee.fr/fr/information/2417794 (дата обращения: 26.01.2019).

[14] Posener S. (1922) L'Ecole unique en Russie soviétique [Уникальная школа в советской России]. *Le Mercure de France* 1 novembre: 658–661. (In French)

[15] Alexinsky G. (1922) L'Affaire Urquhart [Дело Уркхарта]. *Le Mercure de France,* 1 novembre: 8470850. (In French)

[16] Gorovtzev A. (1922) Les Raisons de la Stabilité du Pouvoir des Soviets [Причины устойчивости советской власти]. *Le Mercure de France,* 15 juillet: 327. (In French)

[17] Maklakoff B. (1922) La Crise du Bolchévisme [Кризис большевизма]. *Le Mercure de France,* 15 novembre: 5. (In French)

[18] L'influence Littéraire de la France à l'Etranger [Литературное влияние Франции на зарубежье] (1924) *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques,* 8 novembre: 1. (In French)

[19] Kouprine A. (1922) Olessia la sorcière [Олеся]. *La Revue de Paris,* 1 et 15 juin: 477–504. (In French)

Kouprine A. (1922) Olessia la sorcière [Олеся]. *La Revue de Paris,* 1 juillet: 84–112. (In French)

[20] Arkadi Avertschenko (1921) Le véritable bon sens [Под лучом здравого смысла]. *L'Humanité,* 14 juin: 2. (In French)

[21] *Аверченко А.* Под лучом здравого смысла // Дешевая юмористическая библиотека Нового Сатирикона, Выпуск 2–3. Издательство: Товарищество «Новый Сатирикон», 1914. С. 43—50.

[22] Ivan Bounine (1922) Récit de Paul [Сын]. *L'Humanité,* 3 fevrier: 2. (In French)

[23] Ivan Bounine. (1922) Récit de Paul [Сын]. *L'Humanité*, 4 fevrier: 2. (In French)

[24] *Цветаева М. И.* Письма. Режим доступа: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_v_kom (дата обращения 05.01.2019).

[25] Correspondances et documents divers classés suivant l'ordre chronologique: Novembre-décembre 1922 [Переписка и разного рода документы в хронологической последовательности: ноябрь-декабрь 1922 года] F delta res. 832/2/11, Element 23, Fonds du Comité de secours, BDIC. (In French)

[26] J. Kessel. (1925) La nouvelle Littérature russe [Новая русская литература]. *La Revue de Paris*, 15 septembre: 310. (In French)

## Библиография

*Бакунцев А. В.* Лекция И. А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 17–44.

*Кельнер В. Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб, 1994. Т. I. № 1. С. 269–313.

*Ливак Л., Устинов А.* Литературный авангард русского Парижа. 1920–1925. М.: ОГИ, 2014.

*Лизунова И. В., Лбова Е. М.* Диалог двух культур: французская и русская культура в контексте книжной культуры // Интерэкспо ГЕО-Сибиоб-2013: IX Междунар. науч. конгр., 15–26 апр. 2013. Новосибирск: междунар. науч. конф. «Глобал. Процессы в регион. Измерении: опыт истории и современность»: сб. материалов. Новосибирск, 2013. Т. 1. С. 87–90.

*Марченко Т. В.* Проза русского зарубежья 1920–1940-х гг. в европейском критическом осмыслении: нобелевский аспект (по иностранным архивам и периодике): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2008.

*Николаев Д. Д.* От Толстого до Лескова: памятные «писательские» даты в русском зарубежье в I-й половине 1920-х годов // Культура русской диаспоры: знаки и символы эмиграции: сборник статей / под ред. *А. Данилевского, С. Доценко*. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 8–29.

Livak L. (2007) L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920-1925. Les débuts d'une collaboration [Русская эмиграция и французские культурные элиты 1920–1925 годов. Первые шаги в сотрудничестве]. *Cahiers du monde russe* 48: 23–43. (In French)


## Notes

Alexinsky G. (1922) L'Affaire Urquhart [Urquhart's Affair]. *Le Mercure de France,* 1 novembre: 847–850. (In French)

Andreev L. Spasite! (S.O.S.) [Save Our Souls!]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_1919_spasite_oldorfo.shtml (accessed: 06.02.19).

Andreev L. (1919) Spasite! (S.O.S!..) [Save Our Souls!]. *Obshhee delo* 58: 1. (In Russian)

Avertschenko A. (1921) Le véritable bon sens [In the Spotlight of Common Sense]. *L'Humanité*, 14 juin: 2. (In French)

Avertschenko A. (1914) Pod luchom zdravogo smysla [In the Spotlight of Common Sense]. In *Deshevaja jumoristicheskaja biblioteka Novogo Satirikona*. Vol. 2–3 [Cheap Humorous Library of Novyi Satirikon, Vol. 2–3]. Tovarishhestvo «Novyj Satirikon» Publ. Pp. 43–50. (In Russian)

Bounine I. (1922) Récit de Paul [The Son]. *L'Humanité*, 3 fevrier: 2. (In French)

Bounine I. (1922) Récit de Paul [The Son]. *L'Humanité*, 4 fevrier: 2. (In French)

Burtsev Vl. (1920) Bor'ba s bol'shevikami prodolzhaetsja [The Fight Against Bolsheviks Continues]. *Obshhee delo* 66: 1. (In Russian)

Burtsev Vl. (1921) Iz zhizni v Sovdepii [From Life in Sovietdom]. *Obshhee delo* 295: 3. (In Russian)

Correspondances et documents divers classés suivant l'ordre chronologique: Novembre-décembre 1922 [Correspondence and Various Documents in Chronological Order: November-December 1922], F delta res. 832/2/11, Element 23, Fonds du Comité de secours, BDIC. (In French)

Franc-Euro Converter. National Institute of Statistics and Economic Studies. Available at: https://www.insee.fr/fr/information/2417794 (accessed: 26.01.2019).

Gorovtzev A. (1922) Les Raisons de la Stabilité du Pouvoir des Soviets [The Reasons for Stability of Soviet Power]. *Le Mercure de France*, 15 juillet: 327. (In French)

Jean Guéhenno. (1924) Le goût des livres étrangers [The Taste of Foreign Books]. *La Grande Revue*, 1 janvier: 511. (In French)

Kessel J. (1925) La nouvelle Littérature russe [New Russian Literature]. La *Revue de Paris*, 15 septembre: 310. (In French)

Kouprine A. (1922) Olessia la sorcière [Olesya]. *La Revue de Paris,* 1 et 15 juin: 477–504. (In French)

Kouprine A. (1922) Olessia la sorcière [Olesya]. *La Revue de Paris*, 1 juillet: 84 –112. (In French)

Le dernier communiqué de Judenitch (1919) [The Last Communique of Yudenich]. *Le Matin*, 22 octobre 1919: 3. (In French)

*Le Figaro*, 15 novembre 1921: 5. (In French)

*Le Mercure de France*, 1 novembre 1921: 892. (In French)

Les socialistes d'Omsk soutiennent Koltchak (1919) [Omsk Socialists Support Kolchak]. *Le Matin,* 28 janvier: 3. (In French)

L'influence Littéraire de la France à l'Etranger [Literary Influence of France on Emigration] (1924) *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*, 8 novembre: 1. (In French)

Maklakoff B. (1922) La Crise du Bolchévisme [The Crisis of Bolshevism]. *Le Mercure de France*, 15 novembre: 5. (In French)

Maurice de Waleffe (1922) Russophilie [Russophilia]. *Paris-midi*, 9 mars: 2. (In French)

Pachmuss Temira. Iz arhiva Merezhkovskih [From the Merezhkovskys Archive] (1981) *Cahiers du monde russe et soviétique* 22 (4) Octobre-Décembre: 417–470. (In French)

Posener S. (1922) L'Ecole unique en Russie soviétique [A Unique School in Soviet Russia]. *Le Mercure de France*, 1 novembre: 658–661. (In French)

See Burtsev's letter to Denikin (Paris, 25 February 1938). Available at: http://hrono.ru/libris/lib_b/burcev_pisma.html (accessed: 06.02.19).

Tsvetaeva M. I. Pis'ma [Letters]. (In Russian). Available at: http://www.tsvetayeva. com/letters/let_v_kom (accessed: 05.01.2019).

## References

Bakuncev A. V. (2011) Lekcija I.A. Bunina «Velikij durman» i ee rol‘ v lichnoj i tvorcheskoj sud‘be pisatelja [Ivan Bunin’s Lecture “The Great Dope” and Its Role in the Writer’s Personal and Creative Destiny]. In *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ja imeni Aleksandra Solzhenicyna* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Emigration]. Moscow: Dom russkogo zarubezh’ja imeni Aleksandra Solzhenicyna. Pp. 17–44. (In Russian)

Kel’ner V. E., Pozner V. (1994) Komitet pomoshhi russkim pisateljam i uchenym vo Francii (Iz arhiva Solomona Poznera) [Committee of Assistance to Russian Writers and Scientists in France (From Solomon Pozner’s archive)]. *Russian Studies. Ezhekvartal’nik russkoj filologii i kul’tury* I (1): 269–313. (In Russian)

Lizunova I. V., Lbova E. M. (2013) Dialog dvuh kul’tur: francuzskaja i russkaja kul’tura v kontekste knizhnoj kul’tury [The Dialogue of Two Cultures: French and Russian Culture in the Context of Book Culture]. In *Interjekspo GEO-Sibiob-2013: IX Mezhdunar. nauch. kongr., 15–26 apr. 2013 Novosibirsk: mezhdunar. nauch. konf. «Global. processy v region. izmerenii: opyt istorii i sovremennost’»: sb. materialov. Novosibirsk, Vol. 1* [Interexpo GEO-Sibiob-2013: the 9th International Scientific Conference “Global Processes in Regional Dimension: Historical Experience and Modernity”: a Collection of Proceedings. Novosibirsk, Vol. 1]. Pp. 87–90. (In Russian)

Livak L. (2007) L’émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925. Les débuts d’une collaboration [Russian Emigration and French Cultural Elites of 1920–1925. The First Steps in Collaboration]. *Cahiers du monde russe* 48: 23–43. (In French)

Marchenko T.V. (2008) *Proza russkogo zarubezh’ja 1920s – 1940s. v evropejskom kriticheskom osmyslenii: nobelevskij aspekt (po inostrannym arhivam i periodike):* dis. ... d-ra filol. nauk [Prose of Russian Emigration of the 1920s–1940s in European Critical Thinking: the Nobel Aspect (based on foreign archives and periodicals): Dr. philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Nikolaev D. D. (2015) Ot Tolstogo do Leskova: pamjatnye «pisatel’skie» daty v russkom zarubezh’e v I-j polovine 1920-h godov [From Tolstoy to Leskov: Memorable “Literary” Dates in Russian Emigration in the First Half of the 1920s]. In A. Danilevskij, S. Docenko (eds.) *Kul’tura russkoj diaspory: znaki i simvoly jemigracii*: Sbornik statej [The Culture of Russian Diaspora: Signs and Symbols of Emigration: a Collection of Articles]. Moscow: Flinta, Nauka Publ. Pp. 8–29. (In Russian)

Поступила в редакцию
08.01.2019